

В чем же причина упадка Сард в VII в.? Фосс ищет ее однозначно в персидском разграблении города, которое он датирует по нумизматическим данным 616 г.¹⁵ Более того, он утверждает, что персидское вторжение в начале VII в. вообще привело к крушению античного города в Малой Азии¹⁶. Этот тезис, на мой взгляд, наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, хозяйственная активность в Сардах (да и в других малоазиатских городах) продолжалась еще в середине VII в., хотя и носила специфический характер. Во-вторых, никакое вражеское вторжение не может уничтожить городскую жизнь, если не созрели внутренние предпосылки для упадка городов: после готского набега на Грецию в III в. города оправились очень быстро. Следует при этом учитывать, что персы — в отличие от германцев или славян — были хорошо знакомы с городской культурой и не испытывали враждебности к городам. Наконец, пребывание персов в Малой Азии длилось слишком недолго, чтобы вызвать «конец античности». Напомню, что согласно самому Фоссу, вторжение сельджуков не привело к коренному изменению облика Сард (с. 92). В-третьих, никакое вторжение не может объяснить, почему Сарды были восстановлены в новом облике, а не как античный город (пусть меньшего размера).

Разумеется, пока не следует спешить с «окончательными» выводами: нужно ждать монографий о других городах в Малой Азии и на Балканах. Однако уже сейчас можно констатировать, что в VII в. восточноримские провинциальные города пережили экономический и социальный упадок¹⁷, усугубленный вторжением персов и затем арабов, а на западе — славян, аваров и лангобардов (в Италии). После примерно двух столетий «темных веков» начинается возрождение византийского города — но уже в новом, средневековом, отличном от античного облике. Сходную судьбу обнаруживает, согласно Якобсону, и Херсон¹⁸.

А. К.

W e g n e r S e i b t. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie (Byzantina Vindobonensia, Bd. IX.). Wien, 1976

В серии появившихся в последнее десятилетие работ, посвященных изучению отдельных византийских семей¹, вышла монография о Склирах. Просопографическая работа австрийского ученого Вернера Зайбта представляет собой развернутый список членов византийской фамилии Склиров. Это первый в историографии опыт подобного рода.

Основное значение работы — введение в научный оборот огромной массы новых, прежде всего сигиллографических данных по истории Склиров. Большинство из впервые привлекаемых печатей (в том числе из коллекции Эрмитажа) непосредственно обследовано австрийским византинистом. В результате ряд биографий членов этой фамилии представлен фактически по-новому (Лев Склир — вторая половина XI в., Михаил — рубеж XI—XII вв. и др.).

Ряд чтений известных печатей и изданных документов исправлен. В частности, следует отметить интересные для славистов наблюдения В. Зайбта. Конъектура к тексту простагмы Алексея Комнина 1082 г. позволила получить свидетельство о Михаиле Склире как протопроедре, судье Фракии и Македонии, эксисоте (с ним же связывается печать протопроедра, судьи и эксисота Запада, изданная А. Мордтмоном, читавшим «Каматир»). Фактически новым для нас лицом в клане Склиров оказывается другой Михаил (конец XI—первая треть XII в.), известный по печати, опубликованной

¹⁵ Foss C. The Fall of Sardis in 616 and the Value of Evidence — JÖB, 24, 1975. Строго говоря, 616 г. это terminus ante quem non, ибо 616 годом датируется последняя позднеантичная монетная находка, дополняемая следами разрушений и пожаров. Эти разрушения могли иметь место и в один из следующих годов.

¹⁶ Foss C. The Persians in Asia Minor and the End of Antiquity.—«The English Historical Review», 90, 1975, № 357.

¹⁷ См. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 208 и сл. Курбатов начинает упадок позднеантичного города с рубежа V и VI в., т. е. задолго до персидского вторжения.

¹⁸ Попытки пересмотреть концепцию Якобсона об упадке Херсона в «темные века» (см. особенно Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков». Свердловск, 1972; она же. К вопросу о положении Херсона в «темные века». — АДСВ, 1972) не кажутся мне убедительными. Д. Л. Талис («Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья». — ВВ, XVIII, 1961) также признает экономический упадок города, но датирует его начиная с сер. VI в., а не со второй половины VII в., как Якобсон, который в полемике с Талисом отстаивал свою периодизацию (Якобсон А. Л. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса. — ВВ, XXIV, 1964).

¹ Polemis D. I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968; Nicol D. M. The Byzantine family of Kantakuzenos (Cantacuzeni). Washington, 1968; Vannier J.-F. Familles byzantines. Les Argyroi (IX—XIIe s.). Paris, 1975.

Г. Шломберже, чтение которой исправлено: «проедр и дука Водины и Сланицы». Это дополняет наши материалы по данной области².

Наиболее существенным моментом сигиллографических штудий В. Зайбта является выработанная им методика датировок печатей с точностью до десятилетия. Впрочем, обоснование этой методики, видимо, впереди. Пока же следует отметить уточнение дат ряда важных печатей — протоспафария и стратига Пелопоннеса Льва (Н. Вес) — вторая треть X в.; Льва — магистра и начальника вестгария (Г. Шломберже, Ф. Дэльгер — IX в.) — 70-е годы XI в.; Льва — веста, вестарха и судьи Эгейского моря (Н. П. Лихачев — начало IX в.) — 70—90-е годы XI в. и др.

Однако сигиллографическими материалами не исчерпывается источниковедческая база работы. В. Зайбтом приводятся новые данные и нарративных памятников. Так, по арабским источникам восстановлено имя отца Варды и Константина Склиров и их сестры Марии: это — Фотия (?) (арабск. — Мунир). Автором проводится отождествление арабского «Мунир» с именем Фока.

В итоге анализ данных легенд печатей, нарративных сочинений, актов позволил В. Зайбту выявить 41 лицо, имевшее (реально или предположительно) патроним «Склир», — за период с начала IX до второй половины XIV в.

Почти четверть объема книги посвящена восстановлению *cursus honorum* Варды Склира — известного полководца X в. Подробно рассматриваются сохранившиеся свидетельства о его деятельности, причем источниковедческие наблюдения позволяют подчас привлечь новые данные, как, например, рассказ Льва Дякона (163.11 сл.; ср. Скилица, 311.82) о конфликте патриарха Василия Скамандрина с императором и другими иерархами в начале 70-х годов X в.; приводятся и новые материалы печатей. Образно описана исследователем сложная судьба Марии Склирины; многие страницы ее жизни восстановлены В. Зайбтом на основе ряда идентификаций (например, Склирины — племянницы дочери Василия Склира, и Марии, упоминаемой в Пире, XV.16) и атрибуций (неизданная речь Пселла, неопубликованная надпись «Марии севасты» и др.). Список семьи Склиров, изданный А. П. Кажданом³, дополняется для XI в. двумя персонами (Панфирий, упомянутая в акте «вдова Склира»). Минимальное количество сведений о Склирах с начала XII в. позволяло ранее говорить о практическом исчезновении Склиров с этого времени. Новая работа несколько расширяет список XII в. (Роман, Анна Склирина). Среди Склиров более позднего времени для кавказоведов интересно упоминание о Дмитриии — протэкике митрополии Ζηχών (1362 г.).

Список В. Зайбта, вероятно, можно было бы расширить. Так, рассматривая сведения о неизвестной по имени дочери Василия (№ 15), которой автор приписывает упоминание в Пире (L.4) «дочери магистра Склира», он не указывает предположения Р. Гийана о наличии у Василия еще и сына⁴ (и не отводит последнему соответствующего места в списке). В книге приводится также сведение Пселла (*Scripta minora*, II, 102) о сыне Романа (ок. 1055 г.). Не следовало ли бы выделить этого представителя семьи в отдельный параграф?

Особо следует остановиться на методической стороне работы австрийского исследователя. Построение биографий многих членов фамилии Склиров основано на широких отождествлениях. Так, сыну Романа Василию приписываются два упоминания Пир о Склирах (XV.14; LXV.15), относимые ранее к двум разным лицам, отличным к тому же от сына Романа. Многочисленные свидетельства второй половины XI в. о Склирах с преномом Роман объединены в биографии брата Марии Склирины. То же самое можно сказать и о Склирах второй половины XI в. с именем Николай, сведения о которых отнесены одному лицу. Личность Андроника Склира (рубеж XI—XII вв.) «восстановлена» путем отождествления данных об известном севасте и о протовелелиме, логофете дрома. Подобные идентификации нередко проводятся *ohne Zweifel* (S. 79, 96 и др.), хотя существуют и противоположные им мнения.

Столь же категорично постулируется и армянское происхождение Склиров, которое к тому же оказывается одной из исходных посылок некоторых атрибуций, например, связи Склира — сопровителя эмира Мелитины в середине IX в. — с событиями павликианского движения или отнесения к фамилии Склиров анонимного митрополита одного из писем Фотия.

М. В. Бибииков

M. A n g o l d. A Byzantine Government in exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea. 1204—1261. Oxford University Press, 1975, XX+332 p.

Монография Майкла Энголда посвящена Никейской империи. Автор, однако, сознательно отказывается от рассмотрения политических событий этого времени — исключение сделано только для узурпации Михаила Палеолога (с. 63—80). В центре

² Koder J., Hild F. *Hellas und Thessalia*. [Tabula Imperii Byzantini, Bd. I]. Wien, 1976, S. 67.

³ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, с. 75—82, 135.

⁴ Guillard R. Contribution à la prosopographie de l'Empire byzantin. — ЗРВИ, 13, 1971, p. 16 sq.